

На правах рукописи

Помелова Юлия Павловна

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ (2002-2012 ГГ.)**

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Нижний Новгород – 2020

Диссертация выполнена на кафедре восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель

Лычагин Александр Иванович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии ИМОМИ ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Официальные оппоненты:

Мартынов Дмитрий Евгеньевич

доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения Высшей школы международных отношений и востоковедения Института международных отношений ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Карпов Михаил Владимирович кандидат исторических наук, доцент школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ведущая организация

ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Защита состоится «12» марта 2021 г. в 13.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 999.133.02 при ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», при ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, ауд. 320.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» и на сайте ННГУ: <https://diss.unn.ru/files/2020/1079/diss-Pomelova-1079.pdf>

Автореферат разослан « »

2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Абидулин Алим Маратович

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Каждое государство руководствуется своими собственными институтами, нормами и обычаями, но проблема сочетания интересов национальных и религиозных меньшинств с интересами доминирующих по численности групп является общемировой. В структуре национальной идентичности значительной части граждан в большинстве современных государств на первый план выходит этническая составляющая, и это оказывается серьезным вызовом для будущего политической нации.

Китай - многонациональное государство с преобладанием одной этнической группы и при наличии значительного количества национальных меньшинств. Неоднородность населения представляет собой определенный вызов для политической системы на каждом историческом этапе, ответ на который формулируется через изменение государственной политики в отношении как преобладающей этнической группы хань, так и национальных меньшинств.

Первоосновой государственной политики КНР с 1949 г. является главенствующая роль КПК (Коммунистической партии Китая) во всех сферах общественной жизни. За семидесятилетнюю историю государственной политики КПК, во главе партийно-государственного аппарата сменилось пять поколений руководителей, ассоциируемых с периодами лидерства Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина. За это время в Китае произошли значительные политические, экономические, культурные и социальные изменения. В целом это был шаг от бедности и опустошения гражданской войны, через политику «Большого скачка» и Культурную революцию, через «Реформы и открытость» к построению «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации».

Внимание к «четвертому» поколению, условно обозначающее период пребывания Ху Цзиньтао на постах Председателя КНР и Генерального секретаря ЦК КПК, объясняется не только несомненными экономическими успехами страны, добившейся в этот период статуса экономической сверхдержавы, но и повышенным вниманием к социально-экономической и социально-культурной сферам жизни общества. В рамках форсированного развития социальной сферы, направленного на построение среднезажиточного общества, т.е. достижения социально-экономического равенства внутри страны через увеличение благосостояния большинства граждан, в фокусе партийно-государственной политики оказались национальные меньшинства. На XVI съезде Коммунистической партии Китая (КПК) в 2002 г. была выдвинута установка «неуклонно возвышать и внедрять национальный дух», что было названо стратегической задачей и условием, необходимым для сохранения китайской нации, следовательно, и китайского государства. При этом официальный статус получила концепция «чжунхуа миньцзу» — китайской нации. Она подразумевает формирование у граждан страны надэтнической государственной идентичности¹. Таким образом, проблема исследования состоит в оценке эффективности реализованной в рассматриваемый период государственной политики по формированию национальной идентичности в КНР, в частности, в отношении национальных меньшинств.

Тема исследования **актуальна** ввиду того, что положение Китая влияет на развитие глобального мирового сообщества и интересна для других стран. Понимание социокультурных процессов, произошедших в Китае, важно не только для политической жизни внутри данной страны, но и для стран, граничащих с КНР и поддерживающих международные контакты с Китаем, как на двухстороннем уровне, так и на уровне

1. Доклад председателя КПК Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК. 2002. 8 ноября. URL: <http://russian.people.com.cn/zhuanti/partycongress/bao1.html>

международных организаций. Тем более, динамично развивающийся во всех сферах Китай претендует на более значимое место в мировом сообществе. Принцип внешней политики Дэн Сяопина «скрывать возможности и держаться в тени» перестал быть актуальным для мощного в экономической, политической и военной сферах Китая. Ему на смену пришла концепция «сообщества единой судьбы человечества», знаменующая проведение многовекторной и активной внешней политики, которая была выдвинута в 2011 г.² Си Цзиньпином и развита в последующих его выступлениях.

Стремление Китая к лидерству на мировой арене привлекает пристальное внимание международного сообщества к любым внутренним проблемам в КНР, провоцируя их использование в политических целях. В том числе, международным стало обсуждение национального вопроса в КНР. Межнациональную напряженность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) и Тибетском автономном районе (ТАР), как во время председательства Ху Цзиньтао, так и сейчас, во многом вызывает и усиливает диспропорция в уровне социально-экономического и культурного развития отдельных этносов, существование фактического неравенства.

В целом, одной из фундаментальных проблем современной гуманитарной науки остается взаимоотношение личности с доминирующим политическим институтом – государством. История взаимоотношений государства и человека представляет собой грандиозный материал для исследования, необходимый фокус для изучения которого может предоставить нам концепция национальной идентичности. Исследование идентичности как способа решения межэтнических противоречий может быть применимо для объединения и укрепления любого многонационального общества. Российская Федерация прошла свой путь становления многонационального государства, но кризис идентичности, возникший после распада СССР еще не завершен и наша страна всё еще формирует представление о самой себе и своём месте в мире. Опыт КНР, рассматриваемый в рамках завершенного исторического периода, может помочь не повторить чужие ошибки и найти достаточно эффективные инструменты реализации национальной политики.

В диссертации было сформулировано предположение, что для формирования национальной идентичности в КНР в отношении национальных меньшинств Коммунистическая партия Китая в рассматриваемый период использовала информационную, образовательную, религиозную и языковую политики, методы которых принимались безоговорочно или встречали сопротивление со стороны меньшинств.

Также в диссертации, в главе «Религиозная политика как определяющий фактор формирования национальной идентичности тибетцев в КНР в 2002-2012 гг.» более подробно рассмотрена религиозная политика в отношении тибетского буддизма в обозначенный период. Данная сфера реализации национальной политики была изучена более детально из-за её значимости для понимания исторического процесса формирования национальной идентичности в КНР. Тибетский буддизм – главный элемент идентичности тибетского общества, что усиливает как позитивные, так и негативные эффекты китайской религиозной политики. Рассматриваемый в работе временной период имеет особое значение для региона - массовые протесты в Тибете в 2008 г. привлекли внимание других государств к проблеме Тибета и стали важным фактором реализации религиозной политики.

Объектом исследования является процесс формирования национальной идентичности в КНР в период «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей.

2. Белая книга «Мирное развитие Китая». 2011. Официальный сайт Правительства Китая. URL: <http://by.china-embassy.org/rus/zt/zfbps/t868717.htm>

Предмет – комплекс идеологических концепций, мер, институтов, инструментов государственной политики по формированию национальной идентичности в КНР, а также проблем, возникших при её реализации.

Хронологические рамки исследования охватывают период 2002-2012 гг., являющийся сроком нахождения в руководстве страны «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров: Ху Цзиньтао на посту Председателя КНР и Генерального секретаря ЦК КПК, Вэнь Цзябао в должности премьера Госсовета КНР и других членов Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК XVI и XVII созывов. Плановая смена руководящих поколений, обеспечивающая их политическое единство, происходит в рамках работы Всекитайских съездов КПК.

«Четвертое поколение» находилось у власти начиная с XVI Всекитайского съезда КПК, прошедшего в 2002 г. и до XVIII Всекитайского съезда КПК, состоявшегося в 2012 г. XVII съезд КПК укрепил положение «четвертого поколения» в ЦК КПК, подтвердил смещение внимания партии на социальную сферу, а также в Устав партии была добавлена концепция «научного развития».

Всекитайские съезды КПК представляются символическими водоразделами, ключевыми точками постепенной трансформации политической системы КНР. Именно решения съездов формируют политику КПК и состав Центрального Комитета на КПК на следующие пять лет. Смена поколений партийно-государственных руководителей во многом определяет изменения в основных идеологических компонентах национальной политики и методах её реализации, а также регулирование процесса формирования национальной идентичности. Для лучшего понимания процессов, происходивших в КНР, мы обращались также к исторической ретроспективе, привлекали источники и научную литературу более раннего и более позднего периодов.

Характеристика источников. Определяющее значение для диссертационного исследования имеет источниковая база, состоящая из обширного материала на китайском, английском и русском языках. Источники первичной информации подразделяются на следующие категории: документы XVI, XVII и XVIII Всекитайских съездов КПК и пленумов ЦК КП; законы, подзаконные и нормативно-правовые акты; Белые книги; материалы международных организаций; статистические данные; выступления и труды государственных, политических и общественных деятелей.

Среди всех первичных источников, используемых в работе, первоочередную важность имеют документы XVI, XVII и XVIII Всекитайских съездов КПК и пленумов ЦК КПК. Решения съезда становятся определяющими для реализации внутренней политики на всех уровнях власти. Съезд заслушивает программный доклад генерального секретаря ЦК КПК, принимает резолюцию по докладу ЦК КПК прошлого созыва, утверждает изменения в Устав КПК и многое другое. Ценными для нашего исследования являются постановления пленумов ЦК КПК, такие как Постановление ЦК КПК по наиболее важным вопросам создания гармоничного социалистического общества, Постановление ЦК КПК по углублению структурной реформы культуры³ и некоторые другие, детально

3. Резолюция XVIII Всекитайского съезда КПК по докладу Центрального комитета XVII созыва. 2012. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/15/content_27124058.htm Резолюция XVI Всекитайского съезда КПК по проекту пересмотренного Устава КПК. 2002. URL: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/zgzt/sldzt/t118045.htm>; Резолюция XVII Всекитайского съезда КПК по проекту пересмотренного Устава КПК. 2007. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/21/content_9101099.htm; Резолюция XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая по проекту пересмотренного устава КПК. 2012. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/15/content_27124059.htm; Постановление ЦК КПК по наиболее важным вопросам создания гармоничного социалистического общества // Принято VI пленумом ЦК КПК XVI созыва. 2006. URL: <http://book.theorychina.org/upload/9c2104d1-e842-467d-b276-f7dc6f8ca293/>; Decision Concerning Deepening Cultural Structural Reform // 6th Plenary Session of the 17th Central Committee of the CCP. 2011. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2011/10/18/central-committee-of-the-chinese-communist-party-decision-concerning-deepening-cultural-structural-reform/>

разъясняющие политику Партии в определенных сферах внутренней политики в рассматриваемый период. Документы съездов и пленумов позволяют проследить изменения в теоретических основаниях и методах реализации партийно-государственной политики, в то время как доклады генерального секретаря ЦК КПК помогают определить специфику национальной политики рассматриваемого периода и сравнить цели национальной политики, обозначенные в документах съездов с содержанием высказываний высшего руководства КНР.

Во второй группе источников (законы, подзаконные и нормативно-правовые акты) прежде всего следует упомянуть Конституцию 1982 г. как основной документ государства, а также Закон КНР «О национальной районной автономии» 1984 г., закладывающий основы отношений между центральными органами власти и национальными автономными территориально-административными образованиями. Законы, подзаконные и нормативно-правовые акты являются основой для изучения отдельных сфер национальной политики КНР, таких как информационная, образовательная, религиозная и языковая, предоставляя обширный материал для анализа. Наиболее информативными для нашего исследования в каждой из упомянутых сфер оказались: Решение «Об усилении защиты сетевой информации» 2012 г., Положение «О религиозной деятельности» 2005 г., Закон КНР «Об общеупотребительном языке и письменности» 2001 г., Закон КНР «Об образовании» 1995 г. Данная группа первичных источников охватывает документы центрального, провинциального и окружного (префектурного) уровней, а также документы отдельных ведомств. Например, к центральному уровню относится Положение «О религиозной деятельности» принятое Государственным Советом в 2005 г. и комплексно регламентирующее деятельность религиозных общин, к провинциальному – «Меры по исполнению Положения 2005 г. «О религиозной деятельности» в Тибетском Автономном Районе от 2007 г.», к окружному – «Временные меры по управлению тибетским буддизмом в уезде Аба» и к уровню отдельных ведомств – «Информационное сообщение Министерства общественной безопасности №39 о различных вопросах, касающиеся выявления и запрещения культовых организаций»⁴. Работу с источниками по данной теме осложняет закрытый URL к внутриведомственным документам. Важность данной категории источников для изучения политической истории определяется их непосредственным влиянием на жизнь общества. Законодательство не только формирует

4. Конституция КНР: офиц. текст, 1982. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution; China's Law on Regional National Autonomy, 1984. URL: <http://www.asianlii.org/cn/legis/cen/laws/rna267>; Decision concerning Strengthening Network Information Protection // National People's Congress Standing Committee. 2012. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2012/12/28/national-peoples-congress-standing-committee-decision-concerning-strengthening-network-information-protection>; Закон КНР «Об образовании»: офиц. текст, 1995. URL: <http://www.asia-business.ru/law/law3/education>; Decree of the State Council of the People's Republic of China No.426 "Regulations on Religious Affairs" // 57th Executive Meeting of the State Council. 2005. URL: http://www.gov.cn/xxgk/pub/govpublic/mrlm/200803/t20080328_31641.html; Law of the People's Republic of China on the Standard Spoken and Written Chinese Language: Order of the President of the People's Republic of China No.37, 2000. URL: http://english.gov.cn/laws/2005-09/19/content_64906.htm; Tibet Autonomous Region People's Government Order 73 "Tibet Autonomous Region Implementing Measures for the "Regulation on Religious Affairs". 2007. URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/tibet-autonomous-region-implementing-measures-for-the-regulation-on>; Эбачжоу жэньминьчжэнфу гуаньюйиньфа эбацзанцзюанцзюцзычжичжоу цзансхуаньфоцзяо шиугуаньлицаньсин баньфадэ тунчжи (Временные меры по управлению тибетским буддизмом в уезде Аба Нгава-Тибетско-Цяньский автономного округа) // Сычуаньшэнь эбацзанцзюанцзюцзычжичжоу жэньминьчжэнфу (Народное правительство провинции Сычуань Нгава-Тибетско-Цяньский автономного округа). 2009. URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=297813; Notice on various issues regarding identifying and banning of cultic organizations (Doc. no. 39 by the Ministry of public security of the People's Republic China) // Chinese law and government. 2003. Vol. 36. No. 2. Pp. 22-38. doi: 10.2753/CLG0009-4609360222.

правовую основу государства, но и регламентирует работу партийного и государственного аппарата на всех уровнях, закладывает юридическую базу отношений между гражданами, представляет собой первичную форму контроля над обществом. Законодательные акты уточняют положения Всекитайских съездов КПК, формируют условия и методы практической реализации целей национальной политики КНР. Через изучение источников данной категории стало возможным проследить процесс изменения определенных областей социальных отношений, связанный со стремлением партии реализовать проект «многонационального китайского народа». Первая и вторая категории источников представляют необходимую и полную информацию о государственно-правовом регулировании национальной идентичности в КНР.

К третьей группе источников относятся Белые книги - официальные документы, разъясняющие политику государства в какой-либо сфере общественной жизни. Среди Белых книг, разработанных с целью представления определенной точки зрения на национальный вопрос в КНР, в процессе исследования был проведен анализ Белых книг, выпускаемых Госсоветом КНР и Департаментом информации и международных отношений Центральной тибетской администрации в изгнании. Самыми информативными для нашего исследования, среди Белых книг Госсовета КНР, стали материалы по правозащитной тематике, описывающие достижения правительства в сфере защиты прав человека и свободы вероисповедания национальных меньшинств⁵.

Для проведения исследования крайне необходимо рассматривать альтернативную официальной точку зрения на историю государственной политики в отношении национальных меньшинств. В связи с этим в исследовании также используются четвертая категория источников – документы международных межправительственных организаций и международных неправительственных правозащитных организаций, таких как Human Rights Watch, Freedom House, Tibet Watch и других⁶.

Третья и четвертая группы источников позволяют анализировать представление и аргументацию партийно-государственной точки зрения КНР и позиции правозащитных организаций, выступающих на стороне национальных меньшинств. Белые книги Госсовета КНР и документы правозащитных организаций рассчитаны, в основном, на некитайского читателя и содержат детальную информацию о положении национальных и религиозных меньшинств в КНР. Оба типа документов весьма идеологически заряжены, а значит в них велика роль субъективного начала. Соотнесение информации, полученной из третьей и четвертой группы источников, а также сравнение с данными независимых исследователей, тем не менее позволяет считать информацию, представленную в них, относительно достоверной и использовать данные для анализа реализации политики формирования национальной идентичности в КНР.

В отдельную категорию были выделены статистические данные, например, выпускаемые национальным Бюро статистики КНР⁷. Среди данных Бюро статистики были использованы сведения, полученные во время шестой переписи населения КНР, проведенной в 2010 г. Степень объективности данных переписи, как и большинства других источников данной категории, не вызывает сомнений. Анализ социально-

5. Тибет. Правда, основанная на фактах: белая книга – М.: Издание Департамента информации и международных отношений Центральной тибетской администрации Его Святейшества Далай-ламы. 286 с.; White book “Protection and Development of Tibetan Culture” // The State Council Information Office, 2008. URL: http://www.bjreview.com/special/tibet/txt/2008-10/14/content_156885_3.htm

6. No Faith in the State. Tibetans Speak about Religious Restrictions / Ed. A. Holmes. L.: Tibet Watch, 2007. 72 p.; China: Tibetan Monasteries Placed Under Direct Rule // Human Rights Watch. 2012. URL: <https://www.hrw.org/news/2012/03/16/china-tibetan-monasteries-placed-under-direct-rule>; Cook S. Freedom House Special Report: The Battle for China’s Spirit. Freedom House. – 2017. – 136 p. – URL: <https://freedomhouse.org/report/china-religious-freedom>

7. 中国2010年人口普查资料各地区分. Чжунго 2010нянь жэнькоу пучжа цзыляогэдицхойфэнь (Данные переписи населения КНР 2010 года по регионам). URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm>

демографической динамики крайне необходим как для проведения государственной политики, так и для её исследования.

В последнюю, пятую, категорию были добавлены выступления и труды государственных, политических и общественных деятелей, например, основателя партии Гоминьдан и автора «трех народных принципов» Сунь Ятсена, Далай-Ламы XIV, секретаря Комитета КПК в Тибетском автономном районе Чэнь Цюаньго⁸ и других. Подобные источники имеют важное значение в исследовании, несмотря на присущий им субъективизм, связанный с особенностями мировоззрения, личностным опытом их создателей и преследуемыми ими целями. Даже если информация, полученная из данных источников, не объективно отражает историческую реальность и в большей степени содержит точку зрения автора, источники личного происхождения необходимы в работе для изучения концептуальных основ национальной политики и реакции политических субъектов.

Степень разработанности темы:

Обработанный массив научной литературы можно условно разделить на две тематические группы, в свою очередь подразделяющиеся на исследования зарубежных и российских авторов: труды о национальной идентичности и материалы о национальном вопросе в КНР.

Среди исследований зарубежных авторов, посвященных вопросу формирования идентичности, соотношению этнической, гражданской и национальной идентичности, национализму и его влиянию на социально-политическую систему современного государства, можно выделить монографию «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» Бенедикта Андерсона - самую читаемую книгу о нации и национальной идентичности в рамках конструктивизма, заложившую восприятие нации как «воображаемого сообщества». Также хотелось бы отметить книги «Нации и национализм» Эрнеста Геллнера, «Гражданство и национальная идентичность» Юргена Хабермаса, «Нации и национализм после 1780 г.» Эрика Хобсбаума, «Национализм и модернизм» Энтони Смита и «Национализм» Крэйга Калхуна⁹.

Важными для российских исследований являются сборник статей по итогам всероссийской научно-теоретической конференции «Идентичность как предмет политического анализа» (ИМЭМО РАН, 20-21 октября 2010 г.), раскрывающий новые подходы к изучению идентичности, монография «Национальная идентичность. Постигание смысла» С.В. Картунова, описывающая кризис национальной идентичности в условиях глобализации, а также работу В.А. Тишкова «Российская нация и ее критики», в котором автор исследует формирование российской политической нации в современных условиях и делает вывод о том, что российская нация существует настолько, насколько в этом убеждены граждане России. Отдельно хотелось бы отметить монографию Ю.А. Балашова, А.А. Камракова и И.В. Рыжова «Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и

8. Сунь Ятсен Избранные произведения. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. 781 с.; Dalai Lama XIV. Reincarnation // His Holiness the 14th Dalai Lama of Tibet. 2011. Sept. 24. URL: <https://www.dalailama.com/the-dalai-lama/biography-and-daily-life/reincarnation>; Цюаньго Чэнь. Яньминчжэнчжицилюй хэ чжэнчжигуйцзюй ши лидан чжибэнь (Строгая политическая дисциплина и нормы являются основой партийного строительства). Чжунго цзицзяньцзяньчабао. 2015. URL: http://csr.mos.gov.cn/content/2015-11/09/content_19075.htm

9. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 416 с.; Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 794 с.; Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность – Демократия. Разум. Нравственность: московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995. 252 с.; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб: Алетейя, 1998. 306 с.; Смит Э. Национализм и модернизм: критич. обзор соврем. теорий наций и национализма. М.: Практикс, 2004. 464 с.; Калхун К. Национализм. М.: Территория будущего, 2006. 288 с.

Среднего Востока»¹⁰, посвященную анализу сложной этнорелигиозной системы ближневосточного региона, реконструкции механизмов её функционирования, что способствует лучшему пониманию проблем межэтнического взаимодействия в других полиэтничных регионах планеты. Исследования, посвященные категории национальной идентичности, позволили провести анализ теоретических подходов к определению нации, национализма и национальной идентичности и сформировать понятийное поле нашей диссертации. Изучение способов поддержания и развития единства национальной общности было применено для дальнейшего анализа формирования национальной идентичности в КНР.

Несмотря на значительный научный интерес к вопросу формирования национальной идентичности, в научной литературе отсутствует комплексный анализ процесса формирования национальной идентичности в КНР. Материалы зарубежных авторов о национальной политике КНР весьма обширны, исследования, в основном, фокусируются на одном национальном меньшинстве или определенной сфере проведения национальной политики. Редким исключением является исследование профессора Городского университета Нью-Йорка Янь Сунь «От империи к национальному государству: этническая политика в Китае», в котором автор предлагает историко-политологический анализ национальной политики КНР. Исследуя причины современной межэтнической напряженности, автор приходит к выводу, что стратегии централизации и неполный переход к национальному государству создали предпосылки для этнической мобилизации и политизации этнических идентичностей тибетцев и уйгур. Также стоит отметить работы профессора Пекинского университета Жун Ма, например, «Этнические отношения в Китае», статьи профессора Гонконгского университета науки и технологий Барри Саутмана - исследователя национальной политики КНР, политических, экономических и правовых аспектов тибетской и уйгурской проблем и труды основателя Программы современных тибетских исследований в Колумбийском университете Роберта Барнетта¹¹.

Значимый вклад в разработку религиозного аспекта межнациональных отношений в КНР внесли один из современных основателей китайского религиоведения Ричард Мэдсен, автор теории тройного «религиозного рынка» в Китае Фенган Ян и словацкий исследователь религиозного аспекта тибетско-китайских отношений Мартин Слободник¹².

Среди ученых, занимающихся образовательной политикой КНР, хотелось бы отметить Жуй Яна и Чжу Чжиюна, специализирующихся на изучении среднего и высшего образования для национальных меньшинств. Также отдельного упоминания заслуживают специалисты в информационной политике КНР - Анна Мария Брэди, Дэвид Шамбо и лингвистической политике - Ариенна Дуайер¹³.

10. Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции, Москва, 21-22 окт., 2010 г. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 157 с.; Кортунов С.В. Национальная идентичность. Постигание смысла. М.: Аспект Пресс, 2009. 592 с.; Тишков В.А. Российская нация и ее критики. Институт этнологии и антропологии РАН, 2007. С. 558-600.; Рыжов И.В., Балашов Ю.А., Камраков А.А. Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и Среднего Востока. Нижний Новгород: Изд-во АГПИ, 2007. 129 с.

11. Yan Sun. From Empire to Nation State: Ethnic Politics in China. Cambridge: University Printing House, 2020. 390 p.; Ma Rong. Ethnic relations in China. Beijing: China Tibetology Publishing House, 2008. 519 p.; Sautman B. Ethnic Law and Minority Rights in China: Progress and Constraints // Law & Policy. 1999. Vol. 21. 3. Pp. 283–314.; Barnett R. Restrictions and Their Anomalies: The Third Forum and the Regulation of Religion in Tibet // Journal of Current Chinese Affairs. 2012. Vol. 4. No. 41. Pp. 45–107.

12. Madsen R. The upsurge of religion in China // Journal of Democracy. 2010. Vol. 21. No. 4. Pp. 58-71.; Yang F. The red, black, and grey markets of religion in China // The Sociological quarterly. 2006. No. 47. Pp. 93-122.; Slobodnik M. Religious Policy towards Tibetan Buddhism in the People's Republic of China // Rozhledy. 2014. Vol. 1. No. 12. 8 p.

13. Rui Y., Mei W. Education for ethnic minorities in China: a policy critique. The University of Hong Kong, Comparative Education Research Centre, 2009. Pp 117-131.; Zhiyong Z. Higher education access and equality

Среди российских авторов, изучающих проблемы национального регулирования в КНР можно упомянуть К.Л. Сыроежкина – известного политолога и синоведа, изучающего национально-государственное строительство в КНР, А.А. Москалева, в его монографии «Нация и национализм в Китае» содержится детальный анализ официального националистического дискурса партии. Полезными для исследования также стали книги «История Тибета с древнейших времен до наших дней» Е.И. Кычанова и Б.Н. Мельниченко, «Китай в процессе современной глобализации: закономерности и перспективы развития» А.И. Лычагина и статья «Идентичность с китайской спецификой» В.А. Корсуна¹⁴.

Что касается более узких исследований, наибольший вклад в разработку религиозной проблематики внесла И.Р. Гарри, автор монографии «Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX – начало XXI в.)». Также стоит отметить кандидатскую диссертацию Л.А. Афоной «Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религий в период реформ (1978-2015 гг.)», представляющую собой детальное исследование системы взаимодействия партийных, государственных и религиозных органов и правового регулирования религий в Китае. Лингвистическая политика КНР наиболее подробно рассмотрена в диссертации В.А. Клиновского и в работах О.И. Завьяловой¹⁵ – исследователя китайского языка, известного диалектолога, изучавшую также язык и письменные традиции дунган.

Как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе нет комплексного анализа процесса формирования национальной идентичности в КНР как в более широкий, так и в рассматриваемый период. Специфика национальной политики «четвертого поколения» партийно-государственного руководства также не нашла отражения в научной литературе. В имеющихся работах предмет нашего диссертационного исследования затрагивается только частично и лишь в объеме, необходимом для раскрытия специализированных тем, ограниченных определенным национальным меньшинством и/или аспектом национальной политики.

В большинстве работ как западных, так и китайских авторов, исследователи занимают предвзятую позицию, будучи аффилированными или с китайским государством, или с национальными меньшинствами. Огромный фактический исследовательский материал приобретает идеологизированную форму, будучи основанным на данных китайских властей или правозащитных организаций, или тибетской или уйгурской зарубежных общин. Возникает необходимость объективного анализа максимального количества первичных источников, а также самого широкого

among ethnic minorities in China // *Chinese Education & Society*. 2010. Vol. 43. 15 p.; Brady A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2012. Vol. 41. Pp. 159–181.; Shambaugh D. China's Propaganda System: Institutions, Processes and Efficacy // *The China Journal*. 2007. Vol.57. Pp. 25-58.; Dwyer A. M. *The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy, and Political Discourse*. Washington D.C.: East-West Center, 2005. 124 p.

14. Сыроежкин, К. Л. Эволюция формирования и основные черты национальной политики КПК. Центр Азии 2012. URL: http://www.continent.kz/library/KN-4/4-2_1.html; Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 327 с.; Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: «Восточная литература», 2005. 351 с.; Лычагин А.И. Китай в процессе современной глобализации: закономерности и перспективы развития. Нижний Новгород: Пламя, 2007. 103 с.; Корсун В.А. Идентичность с «китайской спецификой» // *Полис*. №3. 2008. с. 68-79.

15. Гарри И. Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX – начало XXI в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2009. 320 с.; Афоина Л.А. Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религий в период реформ (1978-2015 гг.): дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, 2016. 218 с.; Клиновский В.А. Языковая политика в Китайской Народной Республике во второй половине XX века: автореф. дис. ...канд.ист.наук: 07.00.03. Улан-Удэ, 2012. 26 с.; Завьялова О.И. Языки Китая в информационном пространстве // *Проблемы Дальнего Востока*. 2017. № 2. С. 148-152.

спектра вторичных источников по исследуемой проблеме, в этом случае, становится возможной максимально непредвзятая оценка произошедших событий.

Надеемся, что наше диссертационное исследование станет логическим продолжением существующей историографической традиции. Состояние и оценка зарубежных и отечественных публикаций по национальному вопросу в КНР в период нахождения в руководстве страны «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров обуславливает необходимость исследования процесса формирования национальной идентичности в рассматриваемый период.

Цель исследования – выявить особенности и закономерности государственной политики формирования национальной идентичности в КНР «четвертого поколения» партийно-государственного руководства по сравнению с предыдущим поколением.

Выдвижение данной цели обусловило постановку следующих исследовательских **задач**:

- выделить концепции, на основании которых происходило формирование национальной идентичности в КНР в рассматриваемый период;
- раскрыть особенности процесса интеграции этнической идентичности меньшинств в общенациональную идентичность КНР;
- установить специфику политики в отношении национальных меньшинств изучаемого этапа по сравнению с предыдущими;
- характеризовать механизмы реализации информационной политики в отношении национальных меньшинств в 2002-2012 гг.;
- выявить и показать значение образовательной политики на формирование национальной идентичности в рассматриваемый период;
- изучить трансформацию языковой политики в отношении национальных меньшинств;
- установить идеологические и институциональные основания религиозной политики КНР, проводимой в 2002-2012 гг.;
- на основе источников первичной информации, опубликованных в 2002-2012 гг. выделить использованные методы религиозной политики по отношению к тибетскому буддизму;

Методология и методы исследования:

В качестве методов общенаучного уровня важными для исследования являются такие общелогические методы как аналогия, анализ, синтез, индукция и дедукция, а также метод теоретического уровня – системный анализ, позволяющий рассматривать национальную идентичность как сложную систему. Его методологические принципы, учитывающие многомерность, неустойчивость, альтернативность характеристик систем могут помочь в понимании идентичности человека как сложной неравновесной системы, в которой высока роль случайности и диспропорциональности причинно-следственных связей. Такая система будет сочетать элементы открытости, т.е. возможность влияния внешних факторов и самоорганизацию самих национальностей для поддержания устойчивости системы. В рамках системного подхода описывается множественность состояний системы и возможна её декомпозиция. Таким образом, системный анализ не только позволяет анализировать принципы построения и работы системы в целом, но и изучать особенности всех компонентов системы, их взаимозависимости и внутренние закономерности развития.

В данной работе используются следующие исторические методы исследований: историко-системный метод позволяет рассмотреть политическую историю КНР как единое целое, при этом выделить характерные особенности изменения политических подсистем; историко-генетический метод заключается в анализе развития политических процессов, позволяет определить причины трансформации и формирования внутренней политики КПК; историко-сравнительный метод подчеркивает специфику

рассматриваемого периода развития национальной идентичности в КНР в сравнении с другими историческими периодами.

Методы исследования определяются спецификой исследуемого объекта. Анализ истории формирования национальной идентичности предпочтительно проводить с помощью междисциплинарного подхода, предполагающего использование не только исторических, но и политологических, правовых и философских принципов исследования. В работе были использованы следующие заимствованные методы: институциональный метод, который акцентирует роль государственных институтов КНР в принятии и реализации управленческих решений, что позволяет проследить изменения юридических норм, регулирующих общественные отношения; а также историко-политический метод толкования правовых норм, который раскрывает исторические условия и социально-политические цели издания нормативных правовых актов как доминирующего источника права в КНР.

В рамках историко-социального анализа, ввиду междисциплинарности и специфики тематики исследования, считаем необходимым в качестве концептуальных основ нашей работы использовать теорию конструктивизма. Многие исследователи в РФ делают акцент на изучении военно-политической и экономической сферы жизни Китая в русле политического реализма. Для исследования социокультурных аспектов становится актуальным обращение к конструктивизму. Теория конструктивизма «делает акцент на социальной природе взаимоотношений, рассматривая мир как социальную конструкцию: с точки зрения конструктивистов, социальный мир неотделим от того смысла, который мы ему приписываем. Смысл (понимание) действительности устанавливается в ходе межсубъектного взаимодействия и приобретает форму норм, идентичностей, институтов, правил и т.п., которые, в свою очередь, оказывают влияние на социальные взаимодействия»¹⁶. Следовательно, теория конструктивизма стремится объяснить, как происходит конструирование социально-политической реальности.

С точки зрения теории конструктивизма, национальности – это сообщества, объединенные общими представлениями об историческом прошлом, культуре, языке и обладающие солидарностью. Образы и представления о национальной группе создает элита - писатели, ученые, политики. Распространение подобных образов происходит через средства массовой информации различного вида.

Таким образом, идентичность граждан представляет собой сложную систему, которая сочетает возможность влияния внешних факторов, в том числе государства, с самоорганизацией. Национальная идентичность формируется исходя из исторических условий, этнической принадлежности, «мифо-символических комплексов», при этом государство оказывает непосредственное влияние на формирование идентичности граждан, управляет процессами формирования национальной идентичности. Данное предположение возможно подтвердить или опровергнуть, основываясь на исторических данных, предоставляющих возможность увидеть процесс формирования национальной идентичности в развитии.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- на основе широкой источниковой базы были прослежены изменения в реализации политики в отношении национальных меньшинств, произошедшие в период «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей.
- было определено влияние трансформации политического дискурса и программных изменений в политике КПК на политику в отношении национальных меньшинств в рассматриваемый период;
- проведено комплексное исследование использования политических инструментов формирования национальной идентичности в КНР в отношении

16. Сафронова О.В. Словарь терминов по теории международных отношений. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2020. URL: http://www.lib.unn.ru/students/src/TMO_dictionary.pdf

национальных меньшинств в 2002-2012 гг., определяющее значение было признано за информационной, образовательной, религиозной и языковой политиками;

- впервые были изучены методы религиозной политики КПК в отношении монастырей тибетского буддизма в 2002-2012 гг.

- история формирования национальной идентичности в КНР исследована с позиций системного анализа, что позволяет рассматривать национальную идентичность как социальную систему;

- в качестве концептуальной основы для изучения истории формирования национальной идентичности в КНР была выбрана теория конструктивизма, рассматривающая национальную идентичность как социальную конструкцию, создаваемую партийной и культурной элитой с определенными политическими целями.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть полезны при проведении исследований теории национальной идентичности, национального вопроса и внутренней политики КНР рассматриваемого или более позднего периода. Положения, изложенные в диссертации, могут быть использованы в преподавании исторических, социально-политических, международных дисциплин в высших учебных заведениях и при подготовке учебно-методических пособий.

Выводы данного диссертационного исследования могут найти применение в аналитической работе по прогнозированию общественных движений на национальной почве, а также в связи с оценкой роли средств массовой информации, образования, религиозной деятельности и языковой политики в воздействии на массовое сознание, в том числе на формирование национальных ценностей и приоритетов.

Практическую значимость работы также определяет возможность использования ее результатов в различных социально-политических практиках, например, при принятии управленческих решений государственных органов власти. Например, в рамках двусторонних отношений России и Китая, материалы данного исследования могут быть использованы для лучшего понимания особенностей внутренней политики КНР и специфики межнациональных и межконфессиональных отношений в исследуемой стране.

Определение национальных интересов государства и их успешная реализация напрямую зависит от разделяемой всем обществом национальной идентичности. Полученные результаты могут быть учтены при дальнейшей модификации национальной идентичности в Российской Федерации, в том числе и при изменении внешнеполитического имиджа России. Дальнейшее самоопределение в качестве современного субъекта мировой политики позволит выстроить равноправное и плодотворное международное сотрудничество по широкому кругу фундаментальных проблем мировой политики, а том числе в рамках развития сотрудничества РФ и КНР.

Положения, выносимые на защиту:

1. Формирование национальной идентичности в КНР в 2002-2012 гг. происходило с помощью стандартизирующей системы национальной политики, включающей в себя информационную, образовательную, религиозную и языковую политики. Целенаправленные действия КПК в этих четырех сферах общественной жизни постепенно трансформировали этнические, локальные, религиозные идентичности в единый мировоззренческий комплекс.

2. Главной целью формирования национальной идентичности в КНР в рассматриваемый период являлась гомогенизация населения, создание культурной и национальной однородности. Выдвинутые концепции «китайской нации», «возвышения национального духа», «научного развития», «гармоничного общества» поддерживали патерналистский характер власти, основанный на политике исторической памяти и этико-философском учении Конфуция.

3. Реализация политики КНР по включению национальных меньшинств в национальную идентичность в КНР в период «четвертого поколения» партийно-

государственных лидеров сочетала в себе меры поддержки, контроля и различные меры государственного принуждения.

4. Языковая политика КПК в рассматриваемый период характеризуется как умеренная. С принятием Закона КНР «Об общеупотребительном языке и письменности» в 2001 г. под государственный контроль была поставлена языковая сфера жизни общества. Национальным меньшинствам было позволено пользоваться определенной языковой автономией для предотвращения эскалации межнациональной напряженности и тем самым было обеспечено равноправие всех граждан, но при этом, с помощью языковой политики, в том числе через доминирование путунхуа во всех сферах общественной жизни, национальные меньшинства постепенно включались в «многонациональный китайский народ».

5. В 2002-2012 гг. в КНР наблюдался прогресс в повышении уровня общего образования, в том числе в обеспечении равного доступа к общему образованию гражданам любого социального и этнического происхождения. Тем не менее, сохранилась диспропорция в доступе к высшему образованию. Разноплановая преференциальная политика в высшем образовании рассматривалась как необходимая мера для укрепления равенства возможностей и долгосрочной стабилизации межнациональных отношений, но при этом, в рассматриваемый период, не привела к выравниванию доли студентов из национальных меньшинств, получающих высшее образование, относительно доли меньшинств в населении страны.

6. В области государственно-правового регулирования информационной сферы, руководители «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров столкнулись с новым вызовом в виде расширения возможностей выражения идентификации и коллективной принадлежности через сеть Интернет, что увеличило сложность контроля информационного пространства. Тем не менее, информационная политика КПК, проводившаяся в рассматриваемый период, полностью монополизировала право представлять культуру национальных меньшинств, окончательно утвердив включение и переработку их этнической идентичности общенациональной идентичностью КНР.

7. Ограничительные меры в отношении тибетского буддизма, религиозной практики среди уйгурских мусульман, давлением на религиозные сообщества, не зарегистрированные правительством в 2002-2012 гг. не привели к понижению интенсивности конфликта между государственными и религиозными институтами. Наличие нерешенных проблем политико-религиозного характера можно объяснить сочетанием недоверия к религиозным течениям, как к инструменту деструктивных сил, враждебных коммунистической идеологии и китайскому национальному государству с желанием использовать религиозный фактор во внутренней политике.

8. В начале XXI века принятая политическая задача конфуцианства по установлению социальной гармонии и умиротворения Китая, и позитивистский подход к её исполнению вошла в противоречие со сложной общественной-религиозной системой КНР.

9. На основе систематизации методов религиозной политики, проводимых в отношении монастырей тибетского буддизма в 2002-2012 гг., были определены особенности религиозной политики «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров и преемственность в историческом процессе формирования национальной идентичности в КНР.

Степень достоверности исследования основана на тщательном поиске и анализе первичных источников, что является необходимым условием проведения фундаментального исследования. Благодаря сопоставлению разных точек зрения, описание исторических процессов достоверно, выводы работы объективны.

Диссертационное исследование и полученные выводы **соответствуют паспорту специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Новейшая история (XX XXI вв))**.

Следующие области исследования отражены в диссертации: п.6 Новейшая история (XX-XXI вв); п.11 Макро- и микроистория; п.12 Социальная история. История социальных процессов, институтов, структур. Динамика исторической социальности. Социум и человек; п. 13 Власть в истории. История государства и его институтов. Государство и общество. Сфера политики и политических отношений. История политической культуры. Государство, политика и человек; п. 21 История культуры и образования; п.22 История религии и церкви.

Диссертационное исследование прошло **апробацию результатов** в научных журналах, было опубликовано 12 статей, включая три публикации в изданиях, рекомендованных ВАК. Основные положения исследования также были изложены на научно-практических конференциях: XIX Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки (Нижний Новгород, 2014), Школа молодых ученых: новые формы общественных конфликтов и социального взаимодействия в эпоху глобализации (Нижний Новгород, 2014 г.), Зарубежное регионоведение: проблемы теории и практики (Нижний Новгород, 2014 г.), Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества. XX Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки (Нижний Новгород, 2015), Общество и государство в Китае (ИВ РАН, Москва, 2015), Одна проблема – три измерения (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 2019), XII Международная научно-практическая конференция «Россия – Китай: история и культура» (Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2019).

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность темы исследования, определены объект, предмет и хронологические рамки диссертации, охарактеризованы источниковая и историографическая базы, поставлены цель и задачи исследования, описаны методология и методы исследования, сформулированы научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов работы, содержатся сведения об их апробации.

Глава 1. Теоретические основы формирования национальной идентичности в КНР состоит из трех параграфов и является теоретической базой исследования.

В параграфе 1.1. «Теоретические подходы к изучению национальной идентичности» был сформирован терминологический аппарат работы, дается определение категорий национальная, гражданская и этническая идентичность. В первую очередь, был проведен анализ теорий наций и национализма в работах ведущих исследователей - Бенедикта Андерсона, Эрика Хобсбаума, Энтони Смита и Эрнеста Геллнера, написанных в рамках конструктивистского и этносимволического подходов.

Понятие «национальная идентичность» объединяет два подхода к восприятию нации, два принципиальных ее смысла. Первый подход состоит в том, что нацию воспринимают как отношение гражданства или коллективного суверенитета, построенного на всеобщем политическом участии. Второй подход акцентирует внимание на восприятии нации как этничности, в этом случае, в состав нации входят все, кто разделяет общую культуру, язык или историческое прошлое. С одной стороны, два подхода к восприятию нации (объединение граждан и этнокультурное сообщество) являются противоположными. С другой стороны, концепция национальной идентичности объединяет эти идеи. Концепция национальной идентичности подчеркивает коллективную природу общества, что делает её пригодной для легитимации и мобилизации поддержки существующей власти.

Для рассмотрения процесса формирования национальной идентичности в КНР в период с 2002 по 2012 гг., была избрана теория социального конструктивизма, в русле которой вопросы национализма как политической идеологии рассматривал Бенедикт

Андерсон. Согласно данной концепции, национальная идентичность – это политическая категория, формирующая «воображаемое сообщество» людей, основной характеристикой которого является соотнесение себя с государством. Конструктивизм позволяет сфокусировать внимание на действиях государства в сферах информационной, образовательной, религиозной и языковой политики, направленных на поддержание и развития единства национальной общности.

В параграфе 1.2. *«Исторический опыт интеграции национальных и религиозных меньшинств в КНР»*, с использованием терминологического аппарата работы, было показано, как под управлением КПК концепт «КНР» постепенно обретал черты однородного культурного сообщества, связанного единой идеологией и разделяемыми всеми гражданами целями.

Государство не имеет идентичности помимо различных практик, которые составляют эту идентичность, этот парадокс означает, что государство пребывает в состоянии постоянного репродуцирования и становления идентичности. То есть воспроизводит и повторяет уже существующую в общественном сознании установку. В КНР, как и во многих других полиэтнических государствах, даже при преобладающей численности «государствообразующего народа», остаются меньшинства, чьи стремления невозможно удовлетворить одновременно и при этом не вступая в противоречие с интересами большинства. Институциональное закрепление представления об однородности государства предполагает, что в фокусе общественного внимания неизбежно оказываются те, кто не имеет признаков, подходящих под проект гомогенизации.

Основываясь на концепции Н.С. Трубецкого, в диссертации была выработана закономерность приобщения национальных меньшинств к доминантной культуре ханьцев в зависимости от осуществляемых (признанных) культурных открытий ханьцев и национальных меньшинств. Ханьцы создают больше ценностей, способных войти в культурный запас КНР, в то время как в отношении национальных меньшинств культурный импорт превышает культурный экспорт, что говорит нам о неизбежном преобладании культуры большинства в национальной идентичности в КНР. Однородное общество, приверженное общей национальной идентичности, не нуждается в жестких ограничениях, репрессивном аппарате и легко мобилизуется для реализации целей партии. Следует понимать, что индивидуумы являются одновременно носителями нескольких идентичностей. Преданность этнической идентичности не отменяет приверженности общенациональному сообществу. Но, при этом, официальный курс КПК направлен на постепенные изменения общественной жизни и предполагает идентификационную гомогенизацию в качестве решения национального вопроса внутри страны. Идентификация с партией и «многонациональным китайским народом» становится доминирующей и во многом опирается на настороженное отношение к любым этническим, религиозным и локальным идентификациям. Главным аспектом исследования идентичности в КНР является её использование в политических целях.

В параграфе 1.3. *«Особенности формирования и партийно-государственные концепции национальной идентичности в КНР»* приведены ряд концепций, которые Коммунистическая партия Китая создает и реализует для воплощения гомогенизирующих проектов по формированию национальной идентичности Китая: концепция «китайской нации», «концепция возвышения национального духа», концепция «тройного представительства», концепция «научного развития», концепция «гармоничного общества», укрепление морали через «восемь добродетелей и восемь пороков».

Подобные проекты присущи и другим национальным государствам, поэтому в работе были выделены особенности формирования национальной идентичности КНР: исключительная роль партии в разработке теоретических составляющих национальной идентичности, основных символов и моделей формирования идентичности, а также их распространения; поддержка конфуцианства как инструмента сохранения социальной

стабильности; китайское историческое сознание как представление о своей стране как самой древней из ныне существующих.

В главе II. «Проблемы реализации политики по формированию национальной идентичности в отношении национальных меньшинств в КНР в 2002-2012 гг.» был проведен анализ процесса реализации политики формирования национальной идентичности в КНР в период нахождения в руководстве страны «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров. Были исследованы информационная политика в отношении национальных меньшинств, система образования КНР как инструмент формирования национальной идентичности, основные положения и этапы реализации языковой политики, идеологические и институциональные основания управления религиями национальных меньшинств. В каждой из упомянутых сфер были рассмотрены законодательство, обеспечивающее легитимность, методы реализации, проблемы, возникающие при реализации, а также влияние данной политики на процесс формирования идентичности.

В параграфе *II.1. «Информационная политика в отношении национальных меньшинств»* проведен анализ информационной политики КПК, которая используется партией как инструмент выстраивания сферы социальной коммуникации между носителями разных политических убеждений и предпочтений. Система осуществления информационной политики в КНР составляет единый обширный и разветвленный комплекс, объединяющий многочисленные партийно-государственные организации. Под влияние информационной системы попадают все уровни государственной бюрократии, промышленные предприятия, Народно-освободительная армия, образование, культура, наука, спорт, здравоохранение, Интернет, издательское дело, радио, телевидение, кинематограф, массовые организации.

Часть методов, применявшихся в информационной политике, уже отошли в прошлое, к примеру, плакатная живопись, но за 2000-е года появились и новые способы утверждения партийного доминирования в информационной среде – усиление цензуры в Сети, в частности, через медиапорталы и микроблоги, такие как Weibo, использование «интернет-политтехнологов», управление регистрацией пользователей в социальных сетях, например, в WeChat.

В диссертации мы рассматриваем информационную политику в отношении национальных меньшинств (организация радио- и телевидения, публикация книг, газет и периодических изданий на языках национальных меньшинств), а также информационную политику по национальному вопросу, направленную как на преобладающую этническую группу хань, так и за рубежом. Доминирующий нарратив китайских СМИ представлял идеалистические картины жизни национальных меньшинств. Этот образ не совпадал с тем, как видели себя сами меньшинства, но в конечном итоге, влиял на их восприятие ханьским большинством и постепенно изменял их представление об их самих. В информационной политике, направленной за рубежом применялась как позитивная, так и негативная пропаганда по национальным вопросам. Положительные пропагандистские мероприятия были нацелены на повышение национального имиджа Китая, отрицательные – на изоляцию этнических лидеров и движений, которые могли угрожать его политической стабильности.

Таким образом, информационная политика КНР в отношении национальных меньшинств в период нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей далеко не всегда и не во всем служила делу интернационализации китайского общества, но преследовала, прежде всего, интересы правящей, коммунистической партии. И, конечно же, она была далеко не совершенна. Система управления общественным мнением по национальным вопросам в КНР и за рубежом должна была постоянно развиваться и адаптироваться к новым вызовам. Например, к увеличению количества пользователей сети Интернет и сокращению влияния традиционных СМИ.

В параграфе II.2. «Система образования КНР как инструмент формирования национальной идентичности» был проведен анализ основных проблем, выявленных при функционировании системы образования КНР и методов их решения, в том числе в рамках обеспечения равного доступа к образованию для всех 56 официально признанных национальных меньшинств.

Среди методов поддержки образования в КНР, применявшихся в период между XVI и XVIII съездами, были выделены организация в школах национально-ориентированных классов, специальных подготовительных курсов и институтов национальных меньшинств (преимущественно зачисляют студентов неханьского происхождения, предлагают специальные дисциплины и учебные модули, отвечающие потребностям автономных регионов), а также предоставление льгот при поступлении в высшие образовательные учреждения (к результатам Единого национального вступительного экзамена дополнительно начислялись баллы в зависимости от этнической принадлежности абитуриента).

Неравный подход к абитуриентам различной этнической принадлежности, другими словами, позитивная дискриминация, рассматривалась как необходимая мера для укрепления равенства возможностей и долгосрочной стабилизации межнациональных отношений. При этом, успешность абитуриента при поступлении в высшее учебное заведение зависела от множества факторов: этнической принадлежности, региона проживания, выбранной специальности и вуза, а также от того, какая система образования была избрана абитуриентом ещё в начале школьного обучения.

Школы и вузы формируют мировосприятие детей через те ценности, которые они передают, выполняя функцию укрепления общенациональной идентичности. Постепенная трансформация национальных меньшинств в граждан КНР являлась главной образовательной задачей. В ходе образовательного процесса ученикам передавалась идеология отношений между народами в КНР. При этом на государственное образование возложена обязанность сохранения культуры этнических меньшинств именно в рамках доминирования ханьской культуры и её цивилизационного проекта.

В параграфе II.3. «Основные положения и этапы реализации языковой политики в контексте формирования идентичности», рассмотрены меры языковой политики, отражающие её универсальный характер – одновременно проводилась политика по поддержке языков национальных меньшинств и программа распространения китайского языка в форме путунхуа. В целом, 55 признанных национальных меньшинств Китая говорят более чем на 80 языках, кроме маньчжуров и хуэй, использующих мандаринский китайский. Монгольский, тибетский, уйгурский, казахский и корейский языки являются наиболее употребляемыми в общественно-политической сфере жизни государства после китайского языка. В результате, двуязычие и многоязычие широко распространены в районах проживания этнических групп. Однако, всё множество языков, употребляемых в границах КНР, не может сравниться по значимости с общегосударственным языком Китая.

Статус общегосударственного языка путунхуа, происходящего из пекинского диалекта китайского языка, основан на законе «Об общеупотребительном языке и письменности», принятом в 2001г. Согласно данному закону, государство на всех уровнях власти популяризирует путунхуа и стандартизированное написание китайских иероглифов, путунхуа провозглашен основным языком государственных и образовательных учреждений, СМИ и культуры, при этом, право на развитие имеют и языки национальных меньшинств соответственно в своих автономиях.

Учитывая общемировую тенденцию исчезновения языков малочисленных народов, не имеющих собственной государственности, возможно, КПК для достижения целей гомогенизации и стабилизации общества достаточно просто не вмешиваться в процесс постепенного сужения языкового многообразия страны. С другой стороны, подобное невмешательство недопустимо в языковой сфере, т.к. несмотря на сужение функциональной сферы применения языков малочисленных народов, постепенное

вытеснение языков национальных меньшинств из сферы общественных отношений и усиливающуюся китаизацию, язык является передовым рубежом борьбы за сохранение или формирование новой идентичности народов КНР.

В параграфе *II.4. «Идеологические и институциональные основания управления религиями национальных меньшинств»* были рассмотрены основные принципы религиозной политики КНР в отношении религий национальных меньшинств.

В 2002-2012 гг. религиозная сфера жизни национальных меньшинств подверглась детальной регламентации. Одним из следствий которой стало сохранение и углубление разделения на легальную, нелегальную и «серую» категорию религиозного регулирования.

Государство определяло, является ли религиозная организация законной или она представляет собой «организацию еретического учения» и должна быть передана под юрисдикцию Министерства общественной безопасности. Государство щедро спонсировало патриотические ассоциации и их религиозные общины, но при этом регулировало все возможные сферы их деятельности, а также обязывало их способствовать поддержке существующего политического строя среди верующих и не взаимодействовать с представителями иностранных государств.

Патриотические ассоциации во время председательства Ху Цзиньтао находились под идеологическим и административным контролем Государственного Бюро по делам религий (SARA), регулирующего осуществление религиозной политики на всех административно-территориальных уровнях.

В начале двухтысячных годов конфуцианство начало открыто и настойчиво претендовать на то, чтобы представлять суть китайской культуры. Следует признать, что конфуцианству сознательно, хотя и не официально, придан статус государственной религии. Среди всех этико-философских систем и религиозных учений, распространённых в Китае, конфуцианство – самое политически ангажированное, оно претендует на репрезентацию всего Китая и исключительно китайский вклад в лучшее будущее всего мира.

Религиозные практики, как и другие формы культурных систем, полностью не отделимы от их социального, политического и исторического контекстов. КПК воспринимает религию как моральную подоснову и позитивный фактор, поддерживающий стратегию развития страны. При этом, ограничительные меры, вводимые КПК, говорят о том, что партия осознает и опасается потенциальной мобилизационной силы религии.

Глава III. «Фактор тибетского буддизма при формировании национальной идентичности в КНР» состоит из двух параграфов, посвященных роли тибетского буддизма в формировании национальной идентичности в КНР. Рассматриваемый в работе временной период имеет особое значение для региона - массовые протесты в Тибете в 2008 г. привлекли внимание других государств к проблеме Тибета и стали важным фактором реализации религиозной политики. Более того, тибетская культура является автохтонной и единственной в своём роде, в отличие от уйгурских мусульман, являющихся частью исламской уммы и получающих на поддержку из-за рубежа, тибетцы испытывали особенное культурное давление со стороны ханьской культуры.

В параграфе *III.1. «Особенности религиозной политики по отношению к тибетскому буддизму в 2002-2012 гг.»* были выделены использовавшиеся в период нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров методы религиозной политики КПК по отношению к тибетскому буддизму. Как и все религии, тибетский буддизм – это набор религиозных доктрин и догм, которые являются общепринятыми и составляют основу моральных и этических ценностей. Но, более того, тибетский буддизм - это институциональная сеть монастырей, охватывающая все районы, населенные тибетцами. Монастыри, с их более тысячелетней историей, располагают ресурсами для сохранения и передачи тибетской культуры и религиозной традиции. При анализе религиозной политики КНР по отношению к тибетскому буддизму, особое

внимание следует уделить политике в отношении монастырей.

Основными документами, определявшими религиозную политику по отношению к тибетскому буддизму в период председательства Ху Цзиньтао, стали: «Положение о религиозной деятельности» 2005 г., «Меры по исполнению «Положения о религиозной деятельности от 2005 г.» в Тибетском автономном районе» 2007 г., «Меры по управлению реинкарнациями живых будд в тибетском буддизме» 2007 г., «Меры по управлению тибетскими буддийскими монастырями» 2010 г. и некоторые другие.

В 2005 г. вступило в силу «Положение о религиозной деятельности» – первое административное постановление, комплексно регламентирующее деятельность религиозных общин, к примеру, процесс регистрации объекта религиозного назначения, проведение массовых религиозных мероприятий, издание религиозной литературы, управление имуществом религиозных общин.

Давление на монашескую общину, выражалось через патриотическое образование, установление политики самофинансирования, присутствие полиции, ограничение численности монашеской общины и перемещения религиозного персонала, кампанию против Далай-Ламы, установление контроля над процессом реинкарнации высших лам, совокупно являвшихся одной из граней перехода к полному идеологическому контролю тибетского общества.

В параграфе III.2. «Протестные действия тибетцев в КНР в 2002-2012 гг.» был проведен анализ различных видов мирных протестных действий тибетцев. Большинство решений национального уровня в отношении тибетского буддизма принимались в ответ на те или иные проявления религиозной жизни его приверженцев. В конце 1980 гг. вследствие либерализации религиозной политики, начался краткий период религиозного «ренессанса», что привело к активизации протестной активности и следующими за ними ограничениями. Пекин был не готов принять возвращение всех форм функционирования религии, в том числе активную роль монахов в общественной жизни и протестной активности. Цикл из протестов и ограничений разной степени интенсивности повторялся в течение всего рассматриваемого периода, достигнув максимума в 2008 г. Ежегодно ситуация обострялась в марте (в память восстания 1959 г.) и в июле (день рождения Далай-ламы XIV). Из-за репрессий, которым подвергались те, кто открыто оспаривал официальную политику, из-за отсутствия возможности добиться изменений легальными мерами через политическую систему, возникали другие формы протестных действий. Повсеместно осуществлялось скрытое сопротивление – акты индивидуального протеста среди тибетцев были почти так же широко распространены и разнообразны, как и официальный контроль над религиозной политикой: монахи и миряне тайно хранили запрещенные изображения Далай-ламы, проводили запрещенные религиозные ритуалы, было организовано сетевое движение Лхакар, призывающее каждую среду посвящать упорчению тибетской культуры.

Тибетское общество внутри КНР было восприимчиво к обращениям Далай-ламы и периодически, несмотря на возможные последствия, массово выражало свою поддержку и лояльность. Самые яркие примеры – отказ от поклонения Дордже Шугдену, коллективные сжигания мехов и шкур редких животных в ответ на просьбу Далай-ламы воздержаться от их использования, уклонение от осуждения Далай-ламы или вообще от участия в патриотическом образовании. Сопротивление партийным мерам в отношении религии способствовало развитию временных учебных центров тибетского буддизма как одного из самых массовых религиозных движений в КНР. Самые известные из крупных учебных центров - Ларунг Гар и Ячен Гар. Наиболее противоречивая и драматичная форма протеста - самосожжение получила массовое распространение с 2009 г. в качестве ответа на ужесточение методов религиозной политики.

Буддизм как религия ненасилия начинает трансформироваться в соответствии с вызовами времени, в этом плане, опыт Мьянмы и Шри-Ланки может быть показательным для КНР. Тибетцы на данный момент представляют собой разделенный народ,

обладающий высоким уровнем самоорганизации, способный устоять даже в период такого неизбежного кризиса, как смена их духовного лидера. Даже если изначально тибетское сопротивление представляло собой совокупность правозащитных организаций, то в рассматриваемый период он обрел самостоятельную жизнь, что доказывается успешным созданием и функционированием тибетской общины за рубежом и всё новыми формами сопротивления в тибетских регионах Китая.

В **заключении** представлены общие выводы, касающиеся основных положений формирования национальной идентичности в КНР за десятилетие нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей.

История формирования национальной идентичности в КНР в работе исследована с позиций конструктивизма. Мы пришли к выводу, что концепция национальной идентичности использовалась в качестве механизма конструирования желаемой Коммунистической партией Китая социальной реальности. Строительство национальной идентичности реализуется не только путем исключения внешнего «другого», но и через трансформацию внутреннего «другого», как это и происходило в КНР. Желаемым следствием формирования национальной идентичности в КНР должна стать тотальная гомогенизация населения, создание абсолютной, по возможности, культурной и национальной однородности населения.

На десятилетие руководства «четвертого поколения» пришелся период последовательного экономического роста, закрепившего за Китаем роль одной из главных мировых держав. Успешное прохождение кризиса 2008 г. укрепило чувство национального уважения и значимости. С приходом к власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей, среди целей и задач модернизации стали чаще появляться социально-культурные приоритеты, что было вызвано как несомненными экономическими успехами КНР, так и чрезвычайными событиями, таким как, например, эпидемия атипичной пневмонии в 2003 г. и землетрясение в г. Вэньчуань провинции Сычуань, показавшими уязвимость социальной системы КНР. Политика «четвертого поколения», сохраняет преемственность с внутривластным курсом трех поколений партийно-государственного руководства, но при этом и имеет значительные отличия.

Для воплощения проекта однородности и развития национальной идентичности Китая в 2002-2012 гг., Коммунистическая партия Китая создает и реализует ряд концепций: концепция «китайской нации», «концепция возвышения национального духа», концепция «тройного представительства», концепция «научного развития», концепция «гармоничного общества», укрепление морали через «восемь добродетелей и восемь пороков». На XVII съезде КПК концепция «научного развития», сфокусировавшая внимание Партии на человеке как основе основ, была добавлена в ряд идеологических оснований партийного курса. Связанная с концепцией «научного развития», концепция «гармоничного общества» стала частью идеологии КНР и одним из лейтмотивов деятельности «четвертого поколения». Гармоничными должны были стать отношения между различными социальными слоями, включая межнациональные и межрелигиозные отношения. Данные концепции продолжает политику, проводившуюся руководителями «второго» и «третьего» поколения, в частности, в сохранении главной роли модернизации и развития. При этом, экономические приоритеты были дополнены социальными и культурными, подход к решению внутренних проблем КНР стал более комплексным. Трансформация политического дискурса и программные изменения в политике КПК повлияли на политику в отношении национальных меньшинств. Формирование единого «многонационального китайского народа» за счет ускоренного развития районов преимущественного проживания национальных меньшинств, что, несомненно, соответствует линии реформ и построения среднестатистического общества, было дополнено политикой, направленной на уменьшение противоречий в межнациональных отношениях.

Каждое национальное государство формулирует собственные концептуальные основы формирования идентичности, во многом совпадающие по целям и методам реализации. Для КНР уникальными являются ряд особенностей формирования национальной идентичности, заложенные во время «первого» и «второго» поколений партийно-государственных руководителей, реализованные и продолженные в течение «третьего» и «четвертого» поколений. В первую очередь, это исключительная роль партии в разработке базовых теоретических составляющих концепции национальной идентичности, основных символов и моделей формирования идентичности, а также их распространения и восприятия массовым сознанием. Для политической культуры КНР характерно понимание государства как наибольшей ценности. Конфуцианская идея восприятия государства как большой семьи прослеживается в современном патерналистском характере власти. Более того, в течение рассматриваемого периода, КПК поддерживало конфуцианство как инструмент сохранения социальной стабильности, иерархии, консенсуса, уважения к власти и противопоставления китайской культуры западной системе ценностей и обычаев. Принципы конфуцианства использовались для обеспечения необходимой легитимации политического режима. Другой особенностью формирования национальной идентичности в КНР является китайское историческое сознание, на основе которого осуществляется социальная консолидация. Представление о своей стране как самой древней из ныне существующих позволяют китайцам ощущать интеллектуальное, моральное и культурное превосходство Серединного государства над всеми остальными и испытывать чувство снисхождения к «отсталым» неханьским народам.

Основной характеристикой процесса интеграции этнической идентичности меньшинств в общенациональную идентичность в 2002-2012 гг. являлось восприятие партийно-государственными руководителями «четвертого поколения» национальной и этнорелигиозной идентичности в рамках концепции «нулевой суммы».

Формирование национальной идентичности в КНР в диссертации представлено как управленческий процесс, обладающий системными свойствами. Если гражданская идентичность выстраивается на основе «ежедневного плебисцита», то для формирования национальной идентичности требуются спланированные действия центральной власти, продолжительные во времени. В нашей работе проведено комплексное исследование использования политических инструментов формирования национальной идентичности в КНР в отношении национальных меньшинств в 2002-2012 гг., определяющее значение было признано за информационной, образовательной, религиозной и языковой политиками.

По итогам анализа информационной политики КНР в отношении национальных меньшинств, мы пришли к выводу, что с помощью информационной политики КПК в рассматриваемый период монополизировало право представлять культуру национальных меньшинств, окончательно утвердив включение и переработку их этнической идентичности общенациональной идентичностью КНР. КПК в 2002-2012 гг. прилагала максимум усилий для поддержания образа этнической гармонии в КНР и снижения межэтнической напряженности, тщательно контролируя общедоступную информацию и общественное обсуждение этнических вопросов. Под влияние информационной политики КПК попадал не только внутригосударственный общественный дискурс, но и международное обсуждение данных вопросов. Строгий контроль над делами национальных меньшинств содействовал поддержанию экспортного образа межнационального согласия в стране. Вся информация о национальных меньшинствах в СМИ тщательно фильтровалась, чтобы поддерживать и укреплять полномочия и легитимность их управления Коммунистической партией Китая.

В рассматриваемый период, с помощью сети Интернет, расширились новые возможности выражения идентификации и коллективной принадлежности, что также увеличило сложность контроля и создания информационной монополии. Данный фактор

стал одним из новых вызовов руководителям «четвертого» поколения, работавшим над формированием «многонационального китайского народа» и включением национальных меньшинств в общенациональную идентичность.

В ходе анализа образовательной политики КНР в отношении национальных меньшинств, мы пришли к выводу, что вопросы развития школьного и высшего образования национальных меньшинств в рассматриваемый период оставались недорешенными. Факты, свидетельствующие, что уровень неграмотности среди неханьских детей гораздо выше, чем у их сверстников-ханьцев, а процент студентов из этнических меньшинств, получающих высшее образование, по-прежнему ниже доли меньшинств в населении страны, говорят об отсутствии заявленных КПК результатов образовательной политики.

Для партии развитие образования национальных меньшинств особенно важно, поскольку направлено на создание благонадежного, лояльного среднего класса национальных меньшинств, способного служить посредниками между Коммунистической партией Китая и населением автономных регионов, занимающих большую часть территории КНР. В период руководства «четвертого поколения» проводилась преференциальная политика в отношении национальных меньшинств, например, применялись льготы при поступлении в сочетании со специально созданными институтами образования: подготовительные курсы, институты национальных меньшинств, национально-ориентированные классы. При этом, данные меры позволяли правительству регулировать количество студентов из национальных меньшинств, получающих высшее образование в определенных высших учебных заведениях на определенных специальностях.

В процессе анализа языковой политики КНР в отношении национальных меньшинств, мы пришли к выводу, что языковая политика КНР носила универсальный характер: на официальном уровне осуществлялась активная экспансия китайского языка в форме путунхуа, при этом, что одновременно реализовывались программы поддержки языков национальных меньшинств. Происходило поддержание формального языкового неравенства при провозглашении курса поддержки программы равенства. Общегосударственный язык играет важную, одну из основных ролей в формировании общегосударственной идентичности через осуществление власти с помощью языковой политики. Таким образом, реализации языковой политики в отношении национальных меньшинств в период нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров была успешной, партия придерживалась «золотой середины»: позволяла национальным меньшинствам пользоваться определенной языковой автономией для предотвращения эскалации межнациональной напряженности и тем самым обеспечивала равноправие всех граждан, но при этом, с помощью языковой политики постепенно включала национальные меньшинства в единую китайскую нацию.

Что касается религиозной политики, то данная сфера формирования национальной идентичности в рассматриваемый период подверглась более жесткой регламентации. Все общественные отношения, связанные с вопросами вероисповедания, были поставлены под государственный контроль, осуществляемый посредством реализации законодательных актов, принятых на национальном, провинциальном и местном уровнях. Конечно, в восприятии китайской власти, свобода вероисповедания не означает автоматическое право быть приверженцем любого религиозного течения, осуществлять любую религиозную деятельность. Для граждан КНР свобода вероисповедания – это осуществление «нормальной» религиозной деятельности в рамках закона. «Нормальная» религиозная деятельность проводится в рамках пяти патриотических ассоциаций, представляющих буддизм, даосизм, ислам, католичество и протестантизм. Цели проведения религиозной политики весьма очевидны как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективах. В первую очередь, в государственные внутривластные интересы входит поддержание стабильности в регионах с большой долей проживающих

национальных меньшинств, предотвращение оппозиционных настроений среди граждан КНР. В долгосрочной перспективе, в случае успешной реализации религиозной политики, «нормальная» религиозная деятельность, осуществляемая через патриотические ассоциации, будет способствовать формированию и поддержанию национальной идентичности в КНР.

В религиозной сфере руководство Китая видит возможность создания «гармоничного общества». Прагматичная религиозная политика, реализуемая в период между XVI и XVII съездами, практически полностью состояла из установления всестороннего контроля над религиозной сферой общественной жизни. Преимущественный выбор методов жесткого регулирования и репрессий среди всех прочих методов управления религиями, говорит нам о недоверии к религии, как к инструменту деструктивных сил, враждебных и коммунистической идеологии, и китайскому национальному государству. Сочетание этого недоверия с желанием использовать религиозный фактор во внутренней политике обуславливает существование множества нерешенных проблем политико-религиозного характера.

Политический курс в отношении религии останется неизменным, пока он будет формироваться исходя из опасности, которую китайское руководство видит не только в деструктивных культах, но и в приверженцах тибетского буддизма, в уйгурских мусульманах, «подпольных» католиках или протестантских «домашних церквях». Нам совершенно очевидно, что любой верующий в КНР не внушает доверия властям. Верующий гражданин КНР, по мнению Политбюро ЦК КПК, в принципе не может быть апологетом государственной власти, а значит, не может быть хорошим гражданином. Главный идол поклонения – сама власть и всякий претендент на место в этом пантеоне – враг априори. Поклонение иному божеству – есть ущемление гегемонии коммунистической власти. Не случайно все революционеры от анархистов и троцкистов до национал-социалистов практиковали богоборчество. Каждый по-разному, но религия мешала им всем. Подобное отношение объясняется не только историческими условиями проникновения христианства в Китай или марксистской идеологией, но и недостаточной информированностью чиновников, работающих в религиозной сфере. Все чиновники, работающие в Бюро по делам религий Госсовета КНР, являются членами КПК, а значит, атеистами.

Религиозная политика КНР в отношении тибетского буддизма охватывает религиозную деятельность на институциональном уровне (т.е. проводится в отношении сети монастырей и их служителей), на уровне духовных лидеров (регулирование поиска, идентификации и обучения тулку, например, принятие «Мер по управлению реинкарнациями живых будд в тибетском буддизме»), на доктринальном и на индивидуальном уровнях (то есть по отношению к мирянам).

При анализе религиозной политики КНР в отношении тибетского буддизма в период нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей, особое внимание мы уделили систематизации методов религиозной политики по отношению к сети монастырей, охватывающей все районы, населенные тибетцами, которые также функционируют как образовательные центры, сохраняющие и изменяющие религиозную традицию. Были выделены следующие методы: установление контроля над реинкарнацией высших тулку, институционализация всех сфер жизнедеятельности буддистских монастырей, расширение деятельности Комитетов по управлению монастырями, реформа финансового управления, ограничение численности монахов, ограничение на перемещения внутри страны и за границу, присутствие полиции в монастырях. Некоторые меры распространялись также и на мирян, в частности кампании по патриотическому образованию и дискредитации Далай-ламы, а также поддержание культа Дордже Шугдена.

Восстановление прав и привилегий монастырей на прежнем, историческом уровне невозможно, так как предполагает и восстановление альтернативных институтов власти.

Процесс включения тибетцев в национальную идентичность в КНР в рассматриваемый период не был завершен, сохранение протестной активности как монахов, так и мирян, указывает на необходимость поиска иных методов проведения национальной политики.

Таким образом, в диссертации было исследовано формирование национальной идентичности в КНР в период нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственного руководства. Целенаправленные действия КПК в четырех сферах общественной жизни (информационная, образовательная, религиозная и языковая политики) способны постепенно трансформировать этнические, локальные, религиозные идентичности в единый мировоззренческий комплекс. Если в сфере образовательной и языковой политик «четвертое поколение» продолжило политику партии, то информационная и религиозная политики были изменены в сторону ужесточения реализуемых методов контроля. В целом, национальная политика «четвертого поколения» характеризуется кропотливостью административной работы, продуманным законодательством, более сбалансированным характером реализуемой политики, чем у пришедшего им на смену «пятого поколения». За время нахождения у власти «четвертого поколения» удалось уменьшить социально-экономическое неравенство между различными социальными слоями.

Таким образом, формирование идентичности с одной стороны, является дисциплинарной практикой, нацеленной на гомогенизацию населения и создания чувств единства и однородности, с другой стороны – это ограничительная практика, направленная на формирование национальной идентичности на определенной территории, по возможности защищенной от культурной «экспансии» иностранных государств. Проект КПК естественно встречает сопротивление и периодически приводит к росту напряженности в СУАР и ТАР. За 60 лет после восстания в 1959 г. тибетцы прошли через создание «общности жизни и смерти», их этническую идентичность, основанную на противопоставлении Китаю уже не изменить с помощью поддержания стабильности или экономических преференций. Ужесточение политики приводит только к упрочнению этно-религиозной идентификации национальных меньшинств.

Выход из сложившейся ситуации с возможен только через создание новой модели взаимодействия, включающей постепенное и безопасное ослабление контроля над информационной, образовательной, культурно-религиозной, и языковой сферами общественной жизни национальных меньшинств с учетом местной специфики. Национальная идентичность в КНР не обязательно должна быть гомогенной и поддерживать исключительно культуру господствующего ханьского большинства, не обязательно выхолащивать культуры национальных меньшинств, оставляя пригодную для внутреннего туризма оболочку. Создание национальной идентичности в КНР возможно и в случае отделения культуры большинства от политической культуры, достаточно сделать акцент на гражданском аспекте идентичности и признать неоднородность своего населения, как это было сделано в некоторых многонациональных странах.

В данном контексте, актуальным представляется старый даосский принцип, гласящий, что сила ведет к слабости, а слабость – к силе. Репрессивные методы проведения национальной политики говорят нам о её слабости, особенно политики в отношении национальных меньшинств, более мягкие методы воспринимаются как более слабые, но могут укрепить государственную систему и способствовать формированию единой национальной идентичности в КНР.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, включенных в Перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Помелова, Ю.П. Религиозная политика КНР по контролю процесса реинкарнаций в тибетском буддизме во время председательства Ху Цзиньтао / Ю.П. Помелова // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 2 (58). – С. 53-57. (0,58 усл. п.л.)
2. Помелова, Ю.П. Идеологические основания религиозной политики КНР во время председательства Ху Цзиньтао / Ю.П. Помелова // Клио. – 2018. – № 9 (141). – С. 69-74. (1,85 усл. п.л.)
3. Помелова, Ю.П. Информационный контроль над делами национальных меньшинств в КНР после 1978г. / Ю.П. Помелова // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 6 (50). – С. 78-82. (0,58 усл. п.л.)

Научные статьи в научных журналах, сборниках научных трудов и материалах научно-практических конференций:

4. Помелова, Ю.П., Лычагин А.И. Религиозная политика в отношении монастырей тибетского буддизма в КНР в период председательства Ху Цзиньтао / Ю.П. Помелова, А.И. Лычагин // Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XII Международной научно-практической конференции. – Казань: Издательство «Фэн» АНРТ, 2019. – С. 305-312. (0,81 усл.п.л. / авт.вклад 0,5 усл п.л.)
5. Помелова, Ю.П., Волков, С.Ю. Самоорганизация национальных меньшинств на примере тибетской диаспоры / Ю.П. Помелова, С.Ю. Волков // Огарёв-Online. – 2019. – № 4. – С. 1-8. (0,92 усл. п.л. / авт.вклад 0,7 усл п.л.)
6. Помелова, Ю.П., Чернова, А.Ф. Эколингвистика и языковая политика КНР / Ю.П. Помелова, А.Ф. Чернова // Международный студенческий научный вестник. – 2018. – № 5. – С. 1-8. (0,92 усл. п.л. / авт.вклад 0,6 усл п.л.)
7. Помелова, Ю.П., Волков, С.Ю. Национальная идентичность как научная категория / Ю.П. Помелова, С.Ю. Волков // Огарёв-online. – 2018. – № 6 (111). – С. 1-7. (0,81 усл.п.л. / авт.вклад 0,7 усл п.л.)
8. Помелова, Ю.П. Интеграция национальных меньшинств в национальную идентичность КНР / Ю.П. Помелова // История и Современность. – 2016. – №1 (23). – С. 171-180. (0,58 усл. п.л.)
9. Помелова, Ю.П. Некоторые аспекты информационной политики КНР в отношении национальных меньшинств / Ю.П. Помелова // «Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества», XX-я Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: мат. междунар.науч.-практич. конф. – Княгинино: НГИЭУ, 2015. – С. 302-305. (0,35 усл. п.л.)
10. Помелова, Ю.П. Интеграция национальных меньшинств в национальную идентичность КНР / Ю.П. Помелова // Общество и государство в Китае XLV/1: мат. 45-ой всерос. науч.конф. – М.: Институт востоковедения РАН, 2015. – С. 175-184. (0,52 усл. п.л.)
11. Помелова, Ю.П. Языковая политика КНР в отношении национальных меньшинств / Ю.П. Помелова // 9-я Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: мат.докладов. – Н. Новгород: Гладкова О.В., 2014. – С.210-216. (0,58 усл. п.л.)
12. Помелова, Ю.П. Высшее образование для национальных меньшинств в КНР / Ю.П. Помелова // Вестник Мининского университета. – 2014. – №1(5). – С. 1-11. (1,27 усл.п.л.)
13. Помелова, Ю.П. Приграничное сотрудничество РФ и КНР на западном участке границы / Ю.П. Помелова (Ю.П. Сивухина) // Нижегородский журнал международных исследований. – 2011. – С.116-120. (0,58 усл. п.л.)
14. Помелова, Ю.П. Сепаратистский терроризм в КНР на примере СУАР / Ю.П. Помелова (Ю.П. Сивухина) // Восточный фактор: приложение к Нижегородскому журналу международных исследований. – 2010. – С.17-20. (0,35 усл. п.л.)

